

УДК 340.1:343.9:328.185
URL: <http://hdl.handle.net/11435/2196>

Краснов А. В., Скоробогатов А. В.
С. 60–67.

А. В. КРАСНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Россия,

А. В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ТРАНСФЕР И ТРАДИЦИЯ

Цель: сформировать научно обоснованное знание о возможности применения постклассической методологии к исследованию проблемы противодействия коррупции в России.

Методы: методологическую основу исследования составляет постклассическая мировоззренческая парадигма в форме антрополого-правовой методологии, которая определила выбор конкретных методов исследования: компаративного, герменевтического, дискурсивного.

Результаты: противодействие коррупции в России в значительной степени основано на правовом трансфере без учета национальной правовой традиции. Отсутствие связи с правовым опытом снижает эффективность деятельности в этой сфере. В статье доказывается, что заниматься проблемой противодействия коррупции невозможно, не разрешив концептуальных проблем, связанных с культурной и прочей самоидентификацией российского общества как традиционного, а также ролью и местом неписаного закона в регулировании общественных отношений.

Научная новизна: в статье впервые в отечественной правовой науке политика противодействия коррупции в России проанализирована в антропологическом контексте.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития, в практической деятельности правотворческих и правоприменительных органов в формировании эффективной системы противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: противодействие коррупции; антрополого-правовое исследование; правовой трансфер; правовая традиция; неписаное право; правовой архетип; правосознание.

Введение

Одним из важнейших направлений развития правовой и политической системы общества является создание эффективного механизма реализации велений государства. Среди явлений, снижающих эту эффективность, велика роль коррупции, что ведет к необходимости разработки и реализации мер по противодействию ей. В современных условиях эта деятельность ведется недостаточно результативно, что обуславливает как поиски причин этого, так и разработку системы правовых мер, направленных на повышение ее эффективности.

Место коррупции и мер по противодействию ей в социальном и правовом развитии обусловили большое число работ, посвященных различным ее аспектам [1]. Однако исследования проблем коррупции, нелегального бизнеса, неформальных практик в государственном аппарате в контексте антрополого-

правового подхода постклассической методологии характерны главным образом лишь для зарубежной антропологической и социологической науки. В России такого рода исследования как компонент более общей тематики можно обнаружить в трудах исследователей антропологической и экономической направленности: В. В. Бочарова [2], В. А. Найшуля [3] и некоторых других.

Результаты исследования

Современная методологическая ситуация в отечественном правоведении достаточно своеобразна и характеризуется целым рядом черт, среди которых можно выделить фактическое преобладание научных правовых исследований в позитивистском духе. Отметим, что в данном случае мы имеем в виду установку на исследование исключительно законодательства и практики его применения. Сама по

себе такая установка не является какой-то ущербной, однако она значительно сужает поле исследования, особенно в плане изучения обычно правовых регуляторов [4]. Как отметила профессор Т. Я. Хабриева, «...потенциал нормативизма по совершенствованию законотворческой деятельности во многом исчерпан, и необходимо обратиться к интеграции идей и доктрин правотворчества»¹.

Исследовательская установка позитивистского характера находит свое отражение в комплексе мер, которые предлагаются в действующем Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 6, 8, 8.1, 9–11 и др.)². Большинство из них можно назвать чисто правовыми в том смысле, что речь идет главным образом о правовых формах, с помощью которых предполагается ввести в необходимое русло соответствующие отношения. Это антикоррупционная экспертиза, предъявление квалификационных требований к государственным и муниципальным служащим, дополнительные основания для их увольнения, меры поощрения, парламентский и общественный контроль за соблюдением законодательства, контроль за доходами и расходами чиновников, урегулирование конфликтов интересов, запреты, ограничение в трудовой деятельности государственных служащих и пр. Лишь отдельные моменты (к примеру, п. 1 ст. 6 (формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению)) выходят за рамки чисто правовых средств.

Содержание ст. 7 («Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции») также дает нам основания говорить о том, что противодействие коррупции в целом видится, прежде всего, в реформировании и совершенствовании деятельности государственного аппарата, налаживании его связей с обществом, работе над законодательством. Лишь отдельные направления косвенно касаются совершенствования общественных институтов, но опять-таки с позиций взаимодействия с государством.

¹ X Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Правотворчество и юридическая наука: современные проблемы» // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://www.izak.ru/news.html?id=122&lang=ru>. (дата обращения: 10.10.2015).

² Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 (ред. от 22.12.2014 № 431-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Подобного рода картину можно наблюдать и при ознакомлении с Национальным планом противодействия коррупции на 2014–2015 гг.³ Обращает на себя содержание п. «е», где говорится об обеспечении научных междисциплинарных (обратим внимание на обнадеживающий факт!) исследований. Однако перечень намечаемых вопросов, в сущности, не выходит за рамки исследования и совершенствования законодательства, а также его реализации.

Законодательство России, посвященное борьбе с коррупцией, а также практика его применения, по нашему мнению, не может исследоваться, во-первых, вне контекста правовых заимствований, использования правового опыта зарубежных государств, а во-вторых, без учета складывающихся параллельных позитивному праву правовых практик, отражающих неписанные законы, которыми руководствуется значительная часть общества. На данном этапе развития юридической науки не представляется возможным игнорировать призыв к уважительному отношению ко всем складывающимся в обществе правовым практикам (обычному праву, неписаным законам), к исследованию правовых систем с позиций правового плюрализма, характерного для постклассической методологии [5]. Термин «неписанный закон» в смысле обычноправового регулятора общественных отношений давно известен в науке. В современных антрополого-правовых исследованиях неписанные нормы обычного права рассматриваются как один из наиболее важных объектов исследования [6].

Отметим, что изучение неписанных норм способно пролить свет на сущностные характеристики коррупции, что соответствует одному из основных направлений деятельности по противодействию ей – выяснению ее причин и условий (п. 2 «а» ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»). Кроме того, в качестве антикоррупционных принципов названы комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; сотрудничество государства с институтами гражданского общества (п. 5 и 7 ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»).

Коррупция представляет собой явление, характерное для разных типов общества – как гражданского,

³ Указ Президента РФ № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.» от 11.04.2014 (ред. от 15.07.2015. № 364) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

«западного», так и традиционного, «восточного». Намечая пути борьбы с коррупцией в России, необходимо, прежде всего, решить вопрос о социокультурной идентичности российского общества, так как в качестве пригодных правовых средств противодействия коррупции могут рассматриваться лишь те, которые существенно не расходятся с уровнем и качеством отечественной правовой культуры и правосознания, а также сложившимися обычными регуляторами.

Указанный вопрос, безусловно, не является чисто правовым, так как связан с целым рядом факторов политического, экономического, социального характера. Характерной особенностью любой правовой системы является ее способность к самосовершенствованию и самовосполнению недостающих регулятивных и охранительных правил и институтов, что обусловлено потенциальными возможностями права трансформироваться относительно изменившихся социально-экономических условий. Одной из форм развития национальной правовой системы выступают правовые заимствования. В процессе заимствования права одну из определяющих ролей играет государство в целом, а также правящие элиты. С одной стороны, в какой-то мере заимствование права обуславливается выбором определенной государственной модели, с другой – выбор государственной и экономической модели детерминирует правовые заимствования.

Правовые заимствования можно рассматривать как добровольное или насильственное использование нормативного, правоприменительного и ценностного правового опыта при модернизации (совершенствовании) национальной правовой системы. К правовым заимствованиям можно отнести: рецепцию права (заимствование и приспособление к условиям национальной правовой семьи юридических норм, принципов и ценностей, выработанных в другой системе), правовой трансфер (прямой перенос юридических норм, принципов и ценностей общества донора в правовую систему реципиента без учета национальных правовых традиций, надстройка над национальной правовой культурой системы иных правовых ценностей, которые объявляются господствующими), правовая экспансия (насильственное навязывание культурно чуждых правовых идей, моделей и представлений одной правовой системы другой, поддерживаемое не только культурно, но и на основе принуждения), правовой диалог (двусторонний обмен правовым опытом с целью интеграции национальных правовых систем), правовую аккультурацию (привитие элементов правовой системы

общества западного типа традиционным обществам или обществам, уступающим им в правовом развитии). Как правило, среди обозначенных форм правовых заимствований добровольной является лишь рецепция права, поскольку она не предполагает полного разрыва с национальной правовой традицией [7]. Остальные формы заимствований реализуются только через принуждение либо со стороны общества-донора, либо со стороны политической элиты общества-реципиента.

Если в предшествующие периоды развития отечественного права основной формой его развития являлась рецепция (даже петровская модернизация и либеральные реформы Александра II не привели к полному разрыву национальной правовой традиции), то в постсоветское время основной формой правовых заимствований становится правовая аккультурация. В значительной степени это объясняется идеологическими установками российской политической элиты начала 1990-х гг. Провозгласив Россию частью «западной цивилизации», социальным, правовым, демократическим государством, власть взяла курс не на совершенствование имеющейся системы, а на полный ее слом и создание на ее основе совершенно новой системы, основанной на западном, «демократическом», опыте.

Правовая аккультурация – лишь один из аспектов аккультурации как социокультурного явления. Для российского общества важным представляется сохранение своей культурной идентичности, в том числе в правовой сфере [8], борьба с маргинализацией, выхолащиванием истоков своей культуры – как общей, так и правовой. При этом необходимо иметь в виду, что в глобализирующемся мире процесс аккультурации выглядит вполне объективным, причем на первый план выходит экспансия (подчас воинствующая) западной культуры. Что касается правовых аспектов, то, как нам кажется, на сегодняшний день представляется вполне очевидным факт заимствования норм западного права в России, что, безусловно, говорит о высокой актуальности исследований в указанном нами направлении.

Аккультурация как социальное и культурное явление стала складываться по мере развития колониальной экспансии европейских стран. Однако научное осмысление этого понятия происходит лишь в XIX в., когда собранные фактологические данные позволили говорить о форме и содержании влияния, оказываемого одной культурой при соприкосновении с другой. В XX в. ученые начинают выделять возможные ва-

рианты социокультурного воздействия – от полного принятия иной культуры до частичного принятия и даже отторжения; аккультурация исследуется как в групповом, так и личностном контексте; единое определение указанного понятия так и не было сформировано, хотя в целом чаще всего под аккультурацией в науке понимается некий длительный межкультурный контакт, в результате которого появляется некая новая культурная целостность [9].

Что касается правовой аккультурации, то она проявляется во взаимодействии правовых культур разных обществ. Традиционно правовая аккультурация исследуется в историко-правовых науках (в контексте стадий развития общества), социологии права, сравнительном правоведении (межкультурные взаимодействия правовых систем). Достаточно интересными выглядят исследования правовой аккультурации в юридической антропологии.

Известный антрополог права Н. Рулан отмечает, что перенос, рецепция иностранных правовых средств в традиционное общество приводит к простому сосуществованию двух систем; удовлетворительная «передача» права становится возможной только тогда, когда общество само побуждается к изменениям [10]. Конечно, указанное высказывание в большей степени было адресовано родоплеменным странам Африки, однако выявленные ученым закономерности проявляют себя и в других традиционных обществах.

Для современной России характерной представляется несколько иная ситуация: происходит частичное переплетение сложившихся регуляторов с законодательством. При этом законодательство, не вступающее в прямое противоречие с традиционной ментальностью, вполне эффективно реализуется, чего нельзя сказать о тех нормах, которые введены в российский правовой оборот без учета исторически ментально сложившихся условий. Последние фактически игнорируются, а их место занимают иные регуляторы.

Как нам кажется, применительно к России можно использовать термин «трансфер», который означает перенос правовых ценностей одного общества в другое без учета специфики общества реципиента. В отношении российского массива форм права о трансфере можно говорить, прежде всего, в контексте содержания. При сохранении в целом традиционных форм права происходит трансфер специфического содержания, не соответствующего национальной правовой традиции, что снижает эффективность форм не только в содержательном, но и формальном аспекте.

Поскольку противодействие коррупционным явлениям выступает как задача не внутригосударственная, а глобальная, то в работе над антикоррупционным законодательством, естественно, не могли не проявить себя некоторые элементы правового заимствования, в том числе в форме трансфера.

Очевидно, что в контексте форм права⁴ антикоррупционное законодательство не вносит новелл – об этом свидетельствует, в частности, содержание ст. 2 ФЗ «О противодействии коррупции», в которой закреплен вполне традиционный перечень нормативных правовых актов. А вот содержание норм позитивного права действительно позволяет говорить о новых моментах в регулировании. Хотя в советскую эпоху имелось определенное законодательство в исследуемом нами направлении, однако с учетом широких заимствований в 1990-е гг. зарубежных, западных принципов регулирования публичных отношений прежние правовые средства по факту признаются неэффективными. Кроме того, с заимствованием западных публично-политических практик появляются и новые формы коррупционной деятельности, объективно требующие учета и использования соответствующего иностранного правового опыта. В определенной степени изживание советского опыта борьбы с казнокрадством и взяточничеством связано и с практикой применения смертной казни за хищение государственного имущества в особо крупных размерах, на определенных этапах приобретающей гипертрофированный характер.

«Причиной заимствования западного законодательства служит также тот факт, что именно право является сегодня главным маркером "цивилизованности". Эталоном же последней считается, конечно, Запад. Поэтому государства Востока порой просто вынуждены соответствовать эталону, внедряя у себя известные правовые системы» [2, с. 12].

Выше мы обозначили в самой общей форме правовые средства, рассматриваемые как самые основные при регулировании отношений по противодействию

⁴ С нашей точки зрения, формы права (формы выражения права) представляют собой непосредственно внешне выраженные явления, единство носителя информации (документы и пр.) и правового содержания (нормы, выраженные в указанных документах и пр.), то есть некий финальный результат преобразования правовой информации в текст, обозначенный на носителе. Их следует отличать от источников права, которые представляют собой истоки права, факторы и силы, творящие право.

коррупции. Как нам кажется, законодатель в большей степени использует такие средства, которые связаны с индивидуалистской моделью общества. В частности, негативные последствия коррупционных деяний в большинстве своем затрагивают само лицо или только его прямое руководство, в крайнем случае членов его семьи. В то же время для российского правового архетипа сознания характерен ряд черт, свидетельствующих о преобладании элементов традиционного характера. В частности, отечественное сознание предполагает приоритет принципа коллективизма, блага общества, а не индивидуалистических ценностей, уважительное отношение к своему долгу [11]. Кроме того, как показывают опросы, большой процент отвечающих предпочитают поступать не по закону, а «по совести» и в случае противоречия между требованиями нравственности и закона отдадут приоритет «совести». Следование же формальному закону в большей степени обеспечивается не уважением к нему, а страхом перед наказанием [12]. Власть и закон в российском общественном правосознании рассматриваются как силы консервативные, основанные на авторитете предков, определяющие характер существования сообщества в соответствии с традиционными моделями поведения, поэтому власти обеспечивается поддержка и в том случае, если ее действия сомнительны с точки зрения позитивного права, однако при этом ею соблюдаются общеправовые нормы [13]. Именно поэтому принятие широких репрессивных мер к представителям власти вряд ли найдет поддержку у основной части населения. Как мы отмечали в своих работах, в силу того, что следование закону вызвано в большей степени страхом перед наказанием, особое значение приобретает выбор санкций за коррупционные деяния [14].

Необходимо иметь в виду, что тот или иной чиновник зачастую является членом некой общности, «клана», который берет на себя его поддерживать и защищать. И его действия нельзя анализировать вне контекста соответствующих связей и договоренностей. Естественно, что меры, принятые лишь к одному из членов клана, не устраняют системную проблему. В то же время очевидно, что в рамках принятой у нас официальной правовой модели установить соответствующие коррупционные связи чрезвычайно сложно. Сказанное говорит о том, что к соответствующему коррупционеру и его более высокому по статусу куратору эффективнее принять меры, основанные на так называемом неписаном законе.

Неписанные законы (обычное право) характерны, прежде всего, для стран традиционного общества, куда вполне можно отнести и Россию, хотя имеют распространение и в западных государствах с гражданским обществом. Антропологические исследования показывают, что в традиционных обществах (на примере Перу) официальный бизнес вести невыгодно в силу сложившихся там условий (утверждение, которое мы часто слышим и применительно к российским реалиям). При этом в теневом бизнесе не царит «право силы», как и в легальном, там существует «сила права» (обычного права). По сути, в «тени» живет параллельный мир со своими профсоюзами, судами, правовыми нормами, который во многом эффективнее официального мира. Уход от подобной ситуации видится в ликвидации бюрократических препон, постепенной либерализации всей хозяйственной жизни.

Именно неформальный бизнес рассматривается как носитель истинного духа капитализма. В основе такой общеправовой системы лежит репутация, которая упрощает коммуникацию с другими участниками сложившихся отношений. И если на Западе идеалом отношений считается конкуренция, то на Востоке основным принципом выступает достижение гармонии и согласия [15].

Современные антропологи ставят вопрос об оценке так называемой криминализации государств с неписанным правом: насколько корректным выглядит использование этого термина, учитывая, что для стран традиционного общества ситуация с обходом государственного закона с помощью обычного права является нормой; более того, такой вектор развития оказывается эффективнее, чем навязываемая Западом модель экономики; наконец, неписанный закон отражает сложившиеся в обществе представления о морали, справедливости и честности [2, с. 30–31].

Очевидно, что высказанные суждения вполне можно отнести и к российской государственно-правовой действительности, что подтверждается рядом исследований [2, с. 39]. Существовали даже попытки рассмотреть неписанный закон как некую базу для экономических реформ в России постсоветского периода (1990-е гг.); более того, выдвигались предложения по учету обычного права в экономической сфере того времени при проведении реформ. Действительно, логику реформирования, которая изначально основывалась на неких неписанных схемах, носящих изначально коррупционный характер, невозможно понять из действующего законодательства [3].

В этом плане вышеназванная законодательная модель системы правовых средств противодействия коррупции в России вряд ли будет претендовать на высокую эффективность в силу противоречия сложившейся системе обычноправовых регуляторов, правовому менталитету. Подчеркнем, что мы далеки от идеализации сложившейся системы отношений, понимая риски, которые связаны с ее функционированием, однако необходимо учесть и обратную сторону медали: дело в том, что законодательство, противоречащее правовому менталитету и обычному праву, выражающее некий правовой идеал, выработанный в обществе иного типа и с другой историей, само по себе несет опасный заряд, так как способно породить иной виток коррупции, а также правовой нигилизм как следствие его плохой эффективности.

В широком смысле к источникам права, которые должны исследоваться при изучении проблемы противодействия коррупции, следует отнести, с нашей точки зрения, интересы и потребности людей; правовые и иные социальные традиции, правовые и иные социальные ценности; ментальные представления о правовом поведении, общественное сознание; деятельность компетентных государственных органов и в делегированных и допустимых государством пределах общественных организаций по созданию проектов нормативных правовых актов; судебная практика; религиозные, моральные, корпоративные и иные социальные нормы; правовые принципы, сложившиеся в данной правовой системе или включенные в нее в результате различных форм правовых заимствований; правовая и религиозная доктрина (официальная и научная).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что невозможно заниматься проблемой противодействия коррупции, не разрешив концептуальных проблем, связанных с культурной и прочей самоидентификацией российского общества как традиционного, а также ролью и местом неписаного закона в регулировании общественных отношений. Правовые неписаные практики пронизывают общественную жизнь, будучи глубоко внедренными в сознание широких слоев населения. Разработка законопроектов не может ограничиваться использованием правовых средств, заимствованных из зарубежного законодательства и во многом не соответствующих российскому правовому архетипу. Большое внимание должно быть уделено применению мер по исследованию и диалектической

трансформации сложившихся стереотипов поведения в новую форму поведения с учетом антикоррупционных требований, но с сохранением традиционных ценностей коллективизма, доверия к государству и пр.

Отрицание очевидных социальных фактов можно сравнить с позицией страуса – и если для практикующего политика, который не может в силу конъюнктурных соображений публично обозначить те или иные проблемы, это выглядит относительно нормальным с точки зрения закономерностей борьбы за политическое лидерство, то для научного исследователя подобная позиция в конечном счете означает путь к прямой деградации науки, искажению отражаемой сознанием реальности.

Список литературы

1. Братановский С. Н. Противодействие коррупции в системе исполнительной власти в Российской Федерации. Административно-правовые аспекты. Саратов: Электронно-библиотечная система IPRbooks, 2012. 401 с.
2. Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 386 с.
3. Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма. Погружение в трясину. М., 1991. URL: http://www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev (дата обращения 10.10.2015).
4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. С. 91.
5. Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 2002. С. 10.
6. Пилюгина Н. С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.
7. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретические вопросы. Омск, 2009. 250 с.
8. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.
9. Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. С. 19–27.
10. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. В. С. Нерсисянц; пер. под ред. А. И. Ковлер. М.: Норма, 1999. С. 185, 190–191.
11. Скоробогатов А. В. Факторы формирования правовой реальности России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1572–1576.
12. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Правовое сознание учащейся молодежи: юридические и психологические аспекты // Междисциплинарные исследования права: отечественный и зарубежный опыт: мат-лы ежегодн.

методологического семинара (Казань, 25.02.2011) / отв. ред. И. Б. Петрунина, А. В. Скоробогатов; КЮИ (ф) РПА Минюста России. М.; Казань: РПА Минюста России, 2011. С. 25–31.

13. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18–21.

14. Краснов А. В. Адекватность санкций норм права как фактор повышения эффективности борьбы с коррупцией // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Познание» ИЭУП, 2012. С. 90–94.

15. Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. С. 130–135, 178, 245–246.

В редакцию материал поступил 14.10.15

© Краснов А. В., Скоробогатов А. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Адрес: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, тел.: (843) 273-16-54

E-mail: field08@mail.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Как цитировать статью: Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Правовые аспекты противодействия коррупции в России: трансфер и традиция // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 60–67.

A. V. KRASNOV,

PhD (Law), Associate Professor

Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan, Russia

A. V. SKOROBOGATOV,

Doctor of History, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

LEGAL ASPECTS OF CORRUPTION COUNTERACTION IN RUSSIA: TRANSFER AND TRADITION

Objective: to generate scientifically based knowledge about the possibility of implementing the post-classical methodology to the study of corruption counteraction issues in Russia.

Methods: the methodological basis of research is post-classical paradigm of the world outlook in the form of anthropological-legal methodology, which determined the choice of specific research methods: comparative, hermeneutic, and discursive.

Results: corruption counteraction in Russia is largely based on the legal transfer without consideration to national legal traditions. The lack of connection with legal experience reduces the effectiveness of activities in this area. This paper argues that it is impossible to address the issue of fighting corruption without solving the conceptual problems associated with cultural and other self-identification of the Russian society as a traditional one, as well as with the role of unwritten law in regulating social relations.

Scientific novelty: for the first time in the Russian legal science, the anti-corruption policies in Russia are analyzed in the anthropological context.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching in addressing issues about the nature and content of legal development, practical activities of law-making and law-enforcement authorities in the formation of effective corruption counteraction system in Russia.

Key words: corruption; anthropological-legal research; legal transfer; legal tradition; unwritten law; legal archetype; legal conscience.

References

1. Bratanovskii, S. N. *Protivodeistvie korruptsii v sisteme ispolnitel'noi vlasti v Rossiiskoi Federatsii. Administrativno-pravovye aspekty* (Corruption counteraction in the system of executive power in the Russian Federation. Administrative-legal aspects). Saratov: Elektronno-bibliotchnaya sistema IPRbooks, 2012, 401 p. EBS «IPRbooks».
2. Bocharov, V. V. *Nepisanyi zakon: Antropologiya prava. Nauchnoe issledovanie* (Unwritten law. Anthropology of law. Scientific research): ucheb. posobie. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2012, 386 p.
3. Naishul', V. A. *Vysshaya i poslednyaya stadiya sotsializma. Pogruzhenie v tryasinu* (Highest and inal stage of socialism. Submersion into quagmire). M., 1991. Available at: http://www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev (access date: 10.10.2015).
4. Tarasov, N. N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* (Methodological problems of legal science). Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001, p. 91.
5. Kovler, A. I. *Antropologiya prava* (Anthropology of law): uchebnyk dlya vuzov. M.: Norma-Infra-M, 2002, p. 10.
6. Pilyugina, N. S. *Antropologicheskii metod poznaniya prava: Teoretiko-pravovoi analiz* (Anthropological method of law cognition: Theoretical-legal analysis): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2009, 25 p.
7. Rybakov, V. A. *Retseptsiya prava: obshcheteoreticheskie voprosy* (Receptoip of law: general theoretical issues). Omsk, 2009, 250 p.
8. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. *Pravovaya real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoi analiz* (Legal reality in Russia: philosophical legal analysis) // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2015, № 1 (2), pp. 79–85.
9. Sokol'skaya, L. V. *Vzaimodeistvie pravovykh kul'tur v istoricheskom protsesse* (Interaction of legal cultures in historical process). Orekhovo-Zuevo: Izd-vo MGOGI, 2013, pp. 19–27.
10. Rulan, N. *Yuridicheskaya antropologiya* (Juridical anthropology): uchebnyk dlya vuzov / otv. red. V. S. Nersesyants; per. pod red. A. I. Kovler. M.: Norma, 1999, pp. 185, 190–191.
11. Skorobogatov, A. V. *Faktory formirovaniya pravovoi real'nosti Rossii* (Factors of forming of the legal reality in Russia) // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2014, no. 8, pp. 1572–1576.
12. Skorobogatov, A. V., Skorobogatova, A. I. *Pravovoe soznanie uchashcheisya molodezhi: yuridicheskie i psikhologicheskie aspekty* (Legal conscience of students: juridical and psychological aspects) // *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya prava: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt*: mat-ly ezhegodn. metodologicheskogo seminar (Kazan', 25.02.2011) / otv. red. I. B. Petrunina, A. V. Skorobogatov; KYuI (f) RPA Minyusta Rossii. M.; Kazan': RPA Minyusta Rossii, 2011, pp. 25–31.
13. Krasnov, A. V., Skorobogatov, A. V. *Rol' pravosoznaniya v razvitii pravovoi real'nosti* (Role of legal conscience in the development of legal reality) // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 2 (11), pp. 18–21.
14. Krasnov, A. V. *Adekvatnost' sanktsii norm prava kak faktor povysheniya effektivnosti bor'by s korruptsiei* (Adequacy of sanction of legal norms as a factor of increasing the efficiency of corruption counteraction) // *Dialektika protivodeistviya korruptsii*: mat-ly II Vseros. nauchno-prakt. konf-tsii. Kazan': Izd-vo «Poznanie» IEUP, 2012, pp. 90–94.
15. Soto, E. *Inoi put': Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire* (Another way: In visible revolution in the third world) / per. s angl. B. Pinsker. M.: Catallaxy, 1995, pp. 130–135, 178, 245–246.

Received 14.10.15

Information about the authors

Krasnov Aleksandr Valeryevich, PhD (Law), Associate Professor, Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan
Address: 7a 2nd Azinskaya Str., 420088, Kazan, tel.: (843) 273-16-54
E-mail: field08@mail.ru

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of History, Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

For citation: Krasnov A. V., Skorobogatov A. V. Legal aspects of corruption counteraction in Russia: transfer and tradition // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 60–67.

© Krasnov A. V., Skorobogatov A. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.